

Глава 18

«Это тебе во всем мешает»

5 сентября 1698 года, едва пробудившись ото сна, Москва узнала о возвращении царя. Петр с Лефортом и Головиным приехал накануне вечером, ненадолго заглянул в Кремль, проведая кое-кого из друзей, а потом удалился на ночь в свой дворец в Преображенском вместе с Анной Моне. Новость мигом разлетелась по городу, и бояре с чиновниками толпами сгрудились у царских дверей, желая поздравить Петра с возвращением домой и рассчитывая, по словам очевидца, «своей поспешностью... показать государю, что пребыл ему верным». Петр принимал всех очень радостно и сердечно. Тех, кто, по старому московскому обычаю, валился в ноги царю, он «ласково и поспешно поднимал и целовал их, как самых коротких своих друзей».

В тот самый день, когда вельможи локтями расталкивали друг друга, чтобы пробраться поближе к царю, искренность их чувств подверглась необычному испытанию. Обойдя всех и обняв каждого, Петр вдруг вытащил длинную и острую бритву и принялся собственноручно брить им бороды. Начал он со славного полководца Шейна, слишком потрясенного, чтобы сопротивляться. Следующим стал Ромодановский, чья фанатичная преданность Петру превозмогла даже эту насмешку над гордостью старого москвитя. Потом дошла очередь и до остальных, и скоро все присутствующие бояре оказались безбородыми и никто из них не мог со смехом показывать пальцем на других. Пощадили только троих: патриарха, который в ужасе смотрел на происходящее, из уважения к его сану; князя Михаила Черкасского из-за преклонного возраста; Тихона Стрешнева в знак почтения к его роли опекуна юного Петра при покойной царице-матери.

Зрелище было в своем роде замечательное: одно мановение царской руки – и все ведущие политики, военные, знать России полностью преобразились. Вдруг исчезли знакомые, привычные лица, и взамен появились новые. Подбородки, щеки, рты, губы, которые много лет были скрыты от глаз, теперь открылись, совершенно изменив облик своих обладателей. В общем, все это было скорее смешно, однако комичность ситуации омрачалась беспокойством и страхом. Для большинства православных русских борода служила неотъемлемым атрибутом их приверженности вере, их самоуважения. Это дарованное Богом украшение носили пророки, апостолы, сам Иисус. Иван Грозный выразил типичное ощущение москвичей, провозгласив: «Бритье бороды есть грех, которого не смыть кровью всех мучеников. Оно губит образ, от Бога мужу дарованный». Безбородым священники обычно отказывали в благословении. Считалось, что таким срамникам нет места в лоне христианской церкви. И все же, когда в середине XVII века в Москве стало появляться все больше безбородых иностранных купцов, военных и инженеров, царь Алексей смягчил это правило и объявил, что если русские пожелают, то могут бриться безбоязненно. Немногие воспользовались его разрешением, но и тех, кто решился, хватило, чтобы вдохновить патриарха Адриана на новое осуждение: «О пребеззаконники! Ужели вы считаете красотою брить бороды и оставлять одни усы? Но так сотворены Богом не человеки, а коты и псы! Брадобритие не только есть безобразие и бесчестие, но и грех смертный». Вот что проносилось в головах обритых бояр, хотя они и подчинились приказу царя.

Петр, никогда не носивший бороды, считал эту деталь внешности ненужной, неприличной и смехотворной. Над русскими бородачами потешались и насмехались на Западе. Словом, борода воплощала в себе все то, что Петр вознамерился изменить, и он, по своему обыкновению, ринулся в бой, самолично орудуя бритвой. С этого дня, когда бы Петр ни появился на официальном приеме или на пиру, тот, кто приезжал туда с бородой, уезжал без нее. Не прошло и недели с его возвращения, как он посетил праздник в доме Шейна и поручил своему придворному шуту Якову Тургеневу обойти всю комнату и поработать цирюльником. Процедура была довольно болезненная: трудно обойтись без порезов, пытаясь справиться с длинными, густыми бородами при помощи сухого лезвия. Но возражать никто

не осмеливался. Царь был здесь же, готовый съездить по физиономии каждому, кто вздумает протестовать.

Брадобритие началось с тесного кружка приближенных Петра – с намерения посмеяться над стародавним русским обычаем и показать, что тот, кто рассчитывает на царскую милость, должен впредь появляться в его присутствии бритым, но скоро запрет носить бороды стал вполне серьезным и всеобщим. Указом Петра всем подданным, кроме духовенства и крестьян, было велено сбрить бороды. Чтобы добиться послушного выполнения приказа, чиновникам дали право резать бороды у всех встречаемых и поперечных, невзирая на чины. Перепуганные и охваченные отчаянием люди подкупали одного чиновника, чтобы их оставили в покое, но тут же попадали в лапы к следующему чиновнику. Очень скоро ношение бороды сделалось слишком дорогим удовольствием.

В конце концов самым отъявленным упрямам позволили оставить бороду – при условии уплаты ежегодного налога. Уплативший получал маленький медный медальон с изображением бороды и словами «деньги взяты», который носили на цепочке на шее для доказательства, что хозяин бороды имеет на нее законное право. Налог не был для всех одинаковым: крестьяне платили две копейки в год, а с богатых купцов брали до ста рублей. Многие и рады были бы платить налог ради сохранения бороды, но те, кто имел дело с царем, не рисковали прогневить его растительностью на подбородке. Если царю попадался на глаза бородач, то иногда он «в веселом расположении духа с корнем выдирает их бороды или сбривал так грубо, что срезал и часть кожи вместе с волосами».

Царь веселился, а большинство русских считало насильственное бритье унижительным посягательством на их достоинство. Некоторые отдали бы что угодно, только бы не потерять бороду, которую носили всю жизнь и без которой не мыслили лечь в могилу и явиться в лучший мир. Сопrotивляться царевой воле они не могли – слишком неравные силы. Но они трогательно пытались искупить грех, который привыкли считать смертным. Джон Перри, английский инженер, нанятый Петром на службу во время поездки в Лондон, так описывал пожилого русского плотника, с которым встретился на воронежских верфях: «Примерно в это время царь прибыл в Воронеж, где я служил, и множество моих рабочих, всю жизнь проходивших с бородами, теперь оказались принуждены с ними расстаться; одним из тех, кто только что вышел из рук цирюльника, был старый русский плотник... большой мастер работать топором, к которому я всегда питал дружеское расположение. Я немного пошутил с ним... сказав, что он помолодел, и спросил, что он сделал со своей бородой... Он сунул руку за пазуху, вытащил и показал мне бороду; затем сказал, что когда придет домой, то спрячет ее и потом ее положат к нему в гроб и похоронят вместе с ним, чтобы он мог дать за нее отчет Святому Николаю, когда явится в мир иной, и что его собратья приняли такие же меры»⁶⁶.

Из путешествия Петр вернулся в бодром, приподнятом настроении. Он рад был снова очутиться в дружеском кругу и так рвался начать преобразования, что не знал, с чего раньше начать. Он метался с места на место. На второй день в Москве царь устроил войсковой смотр и остался страшно недоволен. Как писал австрийский дипломат Иоганн Корб, «...[он] убедился, что многого недостает этим толпам, чтоб можно было их назвать воинами. Он лично показывал им, как нужно делать движения и обороты наклоном своего тела, какую нестройные толпы должны были иметь выправку; наконец, соскучившись видом этого скопища необученных, отправился, в сопровождении бояр, на пирушку, которую, по желанию его, устроил Лефорть. Пированье длилось до позднего вечера, сопровождаясь веселыми кличами при задранных чашах и пальбою из орудий. Пользуясь тишиною ночи,

⁶⁶ В послепетровское время бороды очень медленно возвращались в верхние слои русского общества. Весь XVIII и первую половину XIX века должностные лица, офицеры и солдаты в армии должны были бриться. В 1860–1870-х годах, при Александре II, это правило смягчили, и многие русские правительственные чиновники и военные, за исключением служивших в императорской гвардии, снова стали носить бороды. Все цари, правившие после Петра, были гладко выбриты, кроме двух последних, Александра III и Николая II, которые носили бороды, демонстрируя свои славянофильские пристрастия.

Государь, с немногими из близких к себе, отправился в Кремль повидаться с царевичем, сыном своим... Дав волю своему родительскому чувству и осыпая сына ласками, три раза поцеловал его; затем, избегая встречи с женою, которая давно ему опротивела, он возвратился в свой Преображенский кирпичный дом».

Через несколько дней Петр встретил русский Новый год (который по старомосковскому календарю начинался 1 сентября) пышным празднеством в доме генерала Шейна. Собралась целая толпа гостей – бояре, офицеры и множество других людей, в том числе и несколько простых матросов молодого русского флота. Петр оказывал морякам особое внимание и провел с ними большую часть вечера; он разрезал пополам яблоки и, отдав одну половинку какому-нибудь матросу, вторую ел сам. Одного из них он обнял за плечи и назвал его «братцем». Тосты не смолкали, и всякий раз, как пирующие поднимали бокалы, раздавался залп из двадцати пяти пищалей.

Еще один «великолепный пир» состоялся через две недели после возвращения царя. И хотя Петр приехал с флюсом и зубной болью, австрийский посол записал в своем дневнике, что никогда не видел его более веселым и непринужденным. Генерал Патрик Гордон прибыл, чтобы впервые представиться царю после его приезда, и объяснил свою задержку тем, что находился в загородном имении, где застрял из-за скверной погоды и гроз. Старый солдат дважды низко поклонился и собирався было опуститься на колени и обнять ноги царя, но Петр взял его за руку и горячо ее пожал.

Не успели бояре опомниться после того, как царь вынудил их сбрить бороды, а он уже принялся настаивать, чтобы они сменили традиционные русские одежды на европейское платье. Некоторые уже и сами это сделали – польский наряд был в ходу при дворе и в нем постоянно появлялись смельчаки вроде Василия Голицына. В 1681 году царь Федор велел придворным укоротить длиннополые одеяния, чтобы можно было нормально ходить. Но большинство продолжало носить привычный русский костюм: вышитую рубаху, широкие штаны, заправленные в мягкие ярко-зеленые или красные, отделанные золотом сапожки с загнутыми носками, и поверх всего бархатный, атласный или парчовый кафтан до пят со стоячим воротником и рукавами непомерной длины и ширины. Выходя на улицу, надевали еще одно длинное одеяние, летом легкое, зимой подбитое мехом, с высоким квадратным воротником и с еще более длинными рукавами, свисавшими до полу. Когда в праздничный день группа бояр шествовала по Москве в длинных, свободно ниспадающих одеждах и высоких меховых шапках, зрелище было по-азиатски пышное.

Петр терпеть не мог этот национальный костюм из-за его непрактичности. Он вел деятельную жизнь – работал на верфи, ходил под парусами, маршировал вместе с солдатами, а длинная, громоздкая одежда путалась в ногах и стесняла движение. А еще ему очень не нравилась гримаса любопытства, насмешки и презрения, которой встречали европейцы россиян в традиционных одеждах на улицах западных городов. Возвратившись в Москву, он твердо решил положить этому конец. Среди самых упорных приверженцев старинного костюма был суровый князь Ромодановский. Когда ему сказали, что Федор Головин, один из руководителей Великого посольства, в Европе сменил русское платье на модный западный костюм, Ромодановский заявил: «Я не думаю, чтобы Головин был таким безумным и сумасшедшим, чтобы презирать народное платье». Но на 30 октября Петр назначил торжественный прием для Головина и Лефорта в честь возвращения Великого посольства, и явиться всем надлежало только в европейском платье, так что пришлось подчиниться и самому Ромодановскому.

Той же зимой, на двухдневном празднике по случаю завершения нового дворца Лефорта, Петр извлек длинные ножницы и обрезал рукава у сидевших рядом с ним за столом. «Вот это тебе во всем мешает, – говорил он, – при этом на всяком шагу может с тобой случиться какое-либо приключение: либо прольешь стакан, либо нечаянно обмакнешь рукав в суп. А из этого сделай себе валенцы!»

Год спустя, в январе 1700 года, Петр от увещаний перешел к декретам. Под барабанную дробь на улицах и площадях объявляли, что всем боярам, правительственным

чиновникам и зажиточным людям как в Москве, так и в провинции предписывается снять длиннополые одеяния и обзавестись венгерскими или немецкими кафтанами. Через год последовало новое распоряжение: мужчинам надевать камзолы, панталоны, чулки, башмаки и шляпы французского или немецкого образца, а женщинам – верхние и нижние юбки, шляпки и европейские туфли. Последующими указами мужчинам запретили носить высокие русские сапоги и длинные ножи. Образцы вновь вводимых костюмов висели возле всех московских ворот и в людных местах города, чтобы жители запоминали и шили себе такие же. Всех, кто подъезжал к городским воротам в русском платье, кроме крестьян, пропускали только после уплаты штрафа. Затем Петр распорядился, чтобы привратники ставили на колени тех, кто являлся в Москву в долгополых нарядах, и обрезали полы вровень с землей. «Многие сотни кафтанов были таким способом укорочены, – свидетельствует Перри, – а поскольку делалось это с добродушием, то вызывало в народе веселье и скоро уничтожило обычай ходить в длинных одеждах, особенно в селениях вокруг Москвы и в городах, куда навещался царь».

Неудивительно, что портновские нововведения Петра пришлись куда больше по вкусу женщинам, чем мужчинам. Его сестра Наталья и вдовая невестка Прасковья первые подали пример, а множество знатных русских женщин поспешило его подхватить. Открыв для себя возможность блеснуть европейским нарядом и горя желанием не отстать от моды, они посылали на Запад за образцами платьев, туфель и шляп, какие тогда носили в Версале.

Шло время, и в новых указах шире и детальнее выражалась воля Петра одеть всех в новую одежду «ради славы и благообразия страны и военного сословия». Эти новшества никогда не вызывали такого сопротивления, каким было встречено запрещение носить бороды. Священники по-прежнему бранили людей за бритье, но на защиту исконной русской одежды церковь не встала. Мода обладает собственной властью, и подчиненные бросились подражать в одежде своим начальникам. Через пять лет английский посол Уитворт доносил из Москвы, что «во всем этом огромном городе не встретишь ни одного сколько-нибудь важного человека одетым не на немецкий манер».

В деревне мода по-прежнему склонялась перед вековыми обычаями. Только знатные люди, чиновники, купцы, которым доводилось попадаться на глаза царю, одевались так, как он требовал, остальное же дворянство, сидя в отдаленных поместьях, преспокойно продолжало носить долгополые кафтаны. В известном смысле в этой первой и самой известной из петровских реформ, проведенных им сразу после поездки на Запад, проявились черты, характерные для всех его последующих нововведений. В своем безудержном стремлении немедленно установить в России европейские обычаи, он вышвырнул за борт и русские традиции, основанные на здравом смысле. Русская одежда действительно была громоздка и неудобна, и, конечно, когда люди сбросили длиннополые наряды, двигать руками и ногами стало гораздо легче – но легче стало и отморозить их в суровую русскую зиму. При температуре, опускавшейся до двадцати – тридцати градусов ниже нуля, россиянин в валенках, в тулупе до пят, с густой бородой, спасавшей от холода губы и щеки, мог свысока поглядывать на европеизированного беднягу-соотечественника, который, с побагровевшим на морозе лицом, стучит коленками, торчащими из-под кургузого одеяния, в тщетной попытке отогреться.

* * *

Горячее стремление Петра побыстрее избавиться от всех следов и пережитков старомосковских обычаев печально сказалось на судьбе его жены, Евдокии. Осень его возвращения из Европы отмечена окончательным разрывом между двадцатилетним царем и двадцатидевятилетней царицей.

Петр давно хотел расторгнуть свой брак и отделаться от унылой и надоедливой женщины, которую он никогда не любил и на которой его заставили жениться. С самого начала ни для кого не являлось тайной, что Петр избегал общества своей жены. Она была

недалекой и необразованной, пугалась его пристрастий и не любила его друзей, особенно Лефорта и вообще иностранцев, захвативших такое место в жизни Петра. Как истинно православной женщине, верившей, что иностранцы – источник ереси и скверны, ей было невыносимо видеть, как ее муж перенимает их одежду, язык, обычаи и образ мыслей. Пытаясь встать между своим увлекающимся, упрямым мужем и той жизнью, к которой он стремился и которую ему открыли его новые друзья, Евдокия только усугубляла непрочность собственного положения. Кроме того, зная, что Петр ей не верен и швыряет деньги на свою любовницу Анну Монс, она по глупости не скрывала ревности, чем весьма раздражала мужа, а ее усилия угодить ему письмами или знаками внимания нагоняли на него скуку. Словом, жена надоела Петру, мешала ему, и он мечтал от нее освободиться.

Мысль отделаться от бестолковой, пустой, норовившей связать его по рукам и ногам супруги приходила ему в голову еще на Западе, пока он обедал, танцевал и беседовал с восхитительными женщинами, которых встречал повсюду, куда бы он ни приехал. За полтора года странствий он не написал Евдокии ни строчки, зато в письмах к оставшимся в России друзьям прозрачно намекал на свои намерения. Он написал из Лондона письма дяде, Льву Нарышкину, и Тихону Стрешневу с настойчивой просьбой уговорить царицу постричься в монахини, после чего все ее бывшие мирские связи, включая узы брака, стали бы недействительны. Возвратясь из Англии в Амстердам, Петр усилил нажим. Он потребовал, чтобы в дело вмешался Ромодановский и использовал свое влияние на строптивую царицу. Привлекли даже патриарха, хотя он всячески старался избежать неприятного поручения. К тому моменту, как Петр попал в Вену, он принял окончательное решение. Об этом явственно свидетельствовало его нежелание поднять тост за императрицу, поскольку это означало бы, что в ответ будет предложен тост за здоровье царицы.

Очутившись в Москве, Петр сперва наотрез отказывался видиться с Евдокией. Вне себя от гнева, он расспрашивал Нарышкина и других, отчего не выполнен его приказ в отношении царицы. Те отвечали, что государю следовало бы самому разобраться в столь тонком деле. Тогда, пробыв в Москве несколько дней, Петр велел Евдокии явиться для разговора с ним в дом Виниуса. Они препирались четыре часа: Петр яростно настаивал на том, чтобы жена отправлялась в монастырь и дала ему свободу. Евдокия, черпая силы в отчаянии, упорно отказывалась, ссылаясь на свой материнский долг. Она предсказывала (как оказалось потом, совершенно точно), что, попав в монастырь, она больше не увидит сына. А потому, заявила царица, она никогда добровольно не оставит дворец и не откажется от брака с Петром.

После этого разговора Петр ушел с намерением все равно добиться своего. Сначала Алексея, тогда восьми с половиной лет, отняли у матери, увезли в Преображенское и поручили заботам младшей сестры Петра, Натальи. А вскоре, рано поутру, во дворец прислали простую почтовую карету, без боярышень и сенных девушек. Туда затолкали Евдокию, и возок затарахтел по дороге в Суздаль, в Покровский монастырь. Через десять месяцев царицу против ее воли постригли в монашество под новым именем Елены. В дальнейшем ей еще предстояло неожиданным образом сыграть роль в жизни Петра, но сейчас желание его сбылось: он наконец освободился.

* * *

В месяцы, последовавшие за возвращением царя из Европы, он вводил и другие изменения в российскую жизнь. Многие из них были поверхностны и имели скорее символический характер: подобно бритью бород и укорачиванию подолов, они являлись предвестниками глубоких государственных реформ последующих десятилетий. Эти первые преобразования не повлекли за собой существенных перемен в русском обществе. Но русским они все равно казались чуждыми, так как затрагивали самые основы повседневной жизни.

Одно из этих преобразований касалось календаря. С незапамятных времен россияне вели летоисчисление не от Рождества Христова, а от того дня, когда, по их мнению, был

сотворен мир. В соответствии с этим счетом, Петр приехал из Европы не в 1698 году, а в 7206-м. Кроме того, новый год в России начинался не 1 января, а 1 сентября, что объяснялось убеждением, будто сотворение мира произошло осенью, когда злаки и другие плоды земные достигли полной зрелости и настала пора собирать их, а уж никак не посреди зимы, когда земля спала под снегом. По обычаю, наступление нового года, 1 сентября, отмечалось большими торжествами, на которых царь и патриарх восседали на двух тронах в одном из дворов Кремля, окруженные боярами и толпами народа. Петр перестал соблюдать этот обряд как устаревший, но новый год по-прежнему отсчитывался с 1 сентября.

Желая привести и летоисчисление, и отсчет нового года в соответствие с принятыми на Западе, Петр в декабре 1699 года издал указ о том, что следующий год начнется 1 января и будет тысяча семисотым. В указе царь честно признал, что это изменение вводится, дабы сообразоваться с Европой⁶⁷. Однако, чтобы переубедить тех, кто утверждал, будто Бог не мог создать Землю посреди зимы, Петр предложил им «ознакомиться с глобусом и доброжелательно и спокойно объяснил им, что Россия – это еще не весь мир и что когда у них зима, то по другую сторону экватора в это же время всегда царит лето». Чтобы отпраздновать нововведение и закрепить этот день в сознании москвичей, Петр приказал во всех церквях провести 1 января специальные новогодние богослужения. Кроме того, он распорядился, чтобы в честь праздника входную дверь изнутри украшали еловыми ветками, и приказал всем горожанам выражать свою радость и громко поздравлять друг друга с Новым годом. Все дома следовало украсить горящими плошками с маслом и открыть для гостей на семь дней.

Петр ввел и новые российские деньги. После заграничных вояжей ему стало стыдно, что в его владениях такая запутанная, лишенная единообразия, чуть не азиатская денежная система. До этого момента значительную часть денег, имевших хождение в России, составляли иностранные монеты, как правило, германские или голландские, с выбитой на них буквой «М», что значило «Московия». Из русских монет в широком обращении были только маленькие овальные кусочки серебра, которые назывались копейками и имели на одной стороне изображение Святого Георгия, а на другой – царский титул. По качеству серебра и по размерам копейки отличались большим разнообразием, причем, если требовалась разменная монета, их просто рубили на части. Петр, под впечатлением визита на английский Королевский монетный двор, осознал, что для развития торговли необходимо располагать соответствующим запасом официально утвержденных денег, выпускаемых и охраняемых государством. Поэтому он велел начать выпуск больших, красивых медных монет, которые бы заменили старые копейки. Впоследствии он стал чеканить золотые и серебряные монеты более высокого достоинства, вплоть до рубля, равного ста копейкам. Через три года выпуск новой монеты достиг такого размаха, что ее суммарное количество в обращении равнялось девяти миллионам рублей.

Еще одну заморскую идею Петру подсказали в подметном письме, обнаруженном как-то утром на полу одного приказа. Обычно анонимные послания содержали доносы на высших чиновников, но в этом письме оказалось предложение ввести в России гербовую бумагу для челобитных, судных выписей, сделок и других документов. Отныне их предлагалось подавать только на гербовой бумаге с изображением орла в левом верхнем углу в знак уплаты пошлины. Продажа этой бумаги должна быть привилегией государства, а доходы – достоянием государственной казны. Крайне довольный, Петр сразу же указом утвердил эту меру и учредил розыск автора идеи. Им оказался крепостной по имени Алексей Курбатов, холоп Бориса Шереметева, побывавший с хозяином в Италии, где и узнал, что

⁶⁷ Петр выбрал для России юлианский календарь, принятый в Англии, и привел российское время в соответствие с западным буквально накануне того, как в Европе тоже произошли перемены. В 1752 году Англия перешла на григорианский календарь, но Россия отказалась от повторного изменения, и в результате до самой революции российский календарь отставал от западного: в XVIII веке на одиннадцать дней, в XIX веке – на двенадцать и в XX веке – на тринадцать дней. В 1918 году Советское правительство наконец ввело григорианский календарь, и поныне принятый во всем мире.

такое гербовая бумага. Петр щедро наградил Курбатова и дал ему вновь учрежденную государственную должность прибыльщика – в обязанность ему вменялось изыскивать новые пути приращения доходов казны.

Другой западный обычай, который одновременно повышал цивилизованность русского общества и сберегал государству земли и средства, привез сам Петр. По традиции в России за большие заслуги перед государем жаловали поместьями или денежными суммами. На Западе Петр открыл для себя более экономный способ отличать подданных за службу – награждение орденами, крестами и звездами. По примеру таких европейских наград, как английский орден Подвязки и габсбургский орден Золотого Руна, Петр создал особый знак отличия для российского дворянства, орден Святого апостола Андрея Первозванного, в честь святого покровителя России. Кавалеры нового ордена носили широкую голубую ленту через плечо и крест Святого Андрея, черный по белой эмали. Первым удостоился его Федор Головин, верный соратник Петра, один из великих послов, а теперь фактически неофициальный премьер-министр. Царь наградил также казачьего гетмана Мазепу и Бориса Шереметева, сменившего Шейна на посту главнокомандующего. Через двадцать пять лет, когда Петр умер, орден Святого Андрея насчитывал тридцать восемь кавалеров – двадцать четыре русских и четырнадцать иностранцев. Этот орден оставался самой высокой и почетной из всех наград Российской империи вплоть до ее падения. Человек есть человек: свыше двух столетий эти кусочки цветной ленты, серебра и эмали значили для русских генералов, адмиралов, министров и других чиновников никак не меньше, чем тысячи десятин щедрой русской земли.